

©1999 г.

И.И. ШУРЫГИНА

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ПОДРОСТКОВ

ШУРЫГИНА Ирина Игоревна - научный сотрудник Института социологии РАН.

В исследованиях, посвященных социализации подростков и молодежи в 1970-1980-е гг., в качестве основных социальных характеристик семьи, влияющих на этот процесс, рассматривались образование и профессия родителей [1, 2]. По мере развития и закрепления в российском обществе рыночных отношений материальное положение семьи становится значимым фактором, определяющим уровень притязаний, жизненные стратегии, отношение к достижению успеха, способность к социальной адаптации у молодых людей. Уровень материальной обеспеченности семьи начинает рассматриваться исследователями как важная социальная характеристика. Исследования, проведенные в 1994-1995 гг., уже фиксировали влияние материального положения семьи на особенности социализации подростков [3, 4]. В частности, было выявлено, что уровень притязаний молодых людей связан с материальным положением семьи, поскольку подростки, строя планы на будущее, склонны учитывать ту помощь, которую им может оказать семья (чем выше материальное положение родителей, тем большей помощи ожидают от них дети) [4].

В 1997 г. автором было проведено исследование "Формирование субкультуры бедности в постсоциалистической России", финансируемое Институтом "Открытое общество" (проект № 750/1997), с целью выяснить, насколько бедность родителей реально ограничивает число жизненных шансов для их детей; как отсутствие материальных ресурсов может компенсироваться социальными и культурными ресурсами семьи; насколько высока вероятность того, что дети "новых" бедных сумеют в будущем преодолеть бедность и успешно адаптироваться в обществе.

Было опрошено 500 девятиклассников из общеобразовательных средних школ с бесплатным обучением в Москве и Иваново - по 250 человек в каждом городе. Кроме

того, было взято 26 глубинных интервью (13 в Москве и 13 в Иваново) с родителями (преимущественно с матерями) в семьях, имеющих среднедушевой месячный доход ниже прожиточного минимума в данном регионе.

В статье рассматривается влияние, которое оказывает на социализацию подростков социальный статус семьи, определяемый двумя основными характеристиками - уровнем образования матери и уровнем материальной обеспеченности семьи. Уровень именно материнского образования был выбран, во-первых, потому, что при опросе подростки часто не могли ответить на вопросы о профессии и образовании отца и, во-вторых, потому, что, по некоторым данным, образовательный и профессиональный статус матери оказывает большее влияние на социализацию подростков, чем статус отца [5].

Группу подростков из малообеспеченных семей составили те, кто отмечал позиции "Материальное положение моей семьи хуже, чем у большинства семей моих сверстников", "Еле сводим концы с концами" и "Живем за гранью бедности", при ответе на вопрос о последней крупной покупке называли предметы повседневного обихода или отвечали, что никаких покупок семьей сделано не было. Для сравнения была выделена группа состоятельных подростков - тех, кто считает, что они живут лучше большинства своих сверстников, что их семья не имеет материальных проблем или в качестве последней покупки называли квартиры и машины. Всего было выявлено 170 явно малообеспеченных и 138 обеспеченных выше среднего уровня подростков.

Промежуточная и самая многочисленная группа (те, кто ответил, что живет "Как все", "Более или менее прилично" или указал в качестве самого крупного семейного приобретения товары длительного пользования - бытовую технику, дорогую одежду и пр.) была исключена из анализа, поскольку достоверно определить материальное положение семей составивших ее подростков оказалось невозможно.

Всего для анализа было выделено *четыре статусные группы* респондентов. *Первую* и *вторую* группы составили школьники из малообеспеченных семей. В первую (93 чел.) вошли подростки, чьи матери не имеют высшего образования; во вторую (77 чел.) - дети матерей с высшим образованием. *Третья* и *четвертая* группы состоят из девятиклассников, чьи семьи обеспечены выше среднего уровня. Школьники из третьей группы (56 чел.) имеют матерей с низким образовательным статусом; из четвертой группы (77 чел.) - с высоким.

Уровень притязаний и жизненные планы

В последние годы социологи говорят о "революции притязаний" среди молодежи. Это связано с тем, что уровень притязаний современных молодых людей радикально повысился с 1990 г. и в результате притязания детей значительно превышают то, чего смогли достичь их родители [6].

Действительно, достигательные притязания опрошенных девятиклассников достаточно высоки и выстраиваются в четком иерархическом порядке. На первом месте - высшее образование, которое хотят иметь 67% респондентов; на втором - "свое дело" - 54,7%; далее - доход выше среднего уровня - от 1000 долл. (состоятельность и богатство по классификации экономистов) [7] - 27,6% и, наконец, 23% респондентов считают "достаточной" для себя должность руководителя разного уровня*.

Уже на уровне притязаний и желаний существует заметная разница между детьми из семей с разным социальным потенциалом. Дети из состоятельных семей в большей степени, чем малообеспеченные подростки, претендуют на то, чтобы в будущем стать владельцем "своего дела" и иметь высокие доходы. На желание иметь высшее образование и сделать карьеру материальное положение семьи почти не влияет. Образование матери, наоборот, слабо связано с притязаниями на "свое дело" и высокие

* В исследовании для определения уровня притязаний и готовности опираться на социальный потенциал семьи использовались некоторые вопросы, разработанные В. Магуном.

Таблица 1

**Притязания и ожидания (планируют иметь через 10 лет) подростков
в зависимости от социального статуса» семьи (в%к опрошенным по группе)**

Социальные позиции	Статусные группы							
	1-я группа		2-я группа		3-я группа		4-я группа	
	Притязания	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания	Ожидания
Иметь свое дело	50,6	24,2	58,9	22,7	69,1	39,3	66,3	37,0
Высшее образование	57,6	44,9	76,3	85,6	62,5	66,0	76,5	81,3
Доходы выше средних	15,4	20,7	18,4	15,8	30,9	25,4	43,2	43,4
Доходы ниже средних	19,8	31,5	26,4	25,0	14,5	14,5	9,9	9,6
Руководящий пост	9,5	8,1	9,5	4,5	12	10,3	23,2	13,0

доходы, но определяет стремление подростка к высшему образованию и его карьерные притязания.

Если рассмотреть, как влияет на уровень притязаний девятиклассников социальный статус их семьи в целом (табл. 1), то окажется, что на одном полюсе оказываются дети из четвертой группы, явно претендующие на то, чтобы составить высокообразованную, состоятельную и властную элиту общества (характерно, что значимые властные притязания проявляют представители только этой группы), а на другом - школьники из первой группы, уже на уровне притязаний, который у них ниже, чем в среднем по массиву, проявляющие себя социальными аутсайдерами.

Между ними располагаются две промежуточные группы с двумя разными способами интеграции в общество и соответствующими этим способам достигательными моделями. Подростки из второй группы ориентированы на модель успеха, существовавшую в советском обществе, в котором успех связывался в первую очередь с высшим образованием и "интеллигентной" профессией (*интеграция через образование*). Подростки из третьей группы склонны к модели "частного предпринимателя", высокие доходы которого не связаны ни с образованием, ни с карьерой (*интеграция в общество посредством экономической адаптации*). Эта модель также существовала в советском обществе в качестве "параллельной" и "теневой".

Школьники из четвертой группы принимают обе эти концепции успеха, образуя в результате новую для нашего общества достигательную модель (образование + деньги и власть). Образовательный статус родителей определяет их стремление к высшему образованию, а материальное положение семьи заставляет претендовать на высокий уровень доходов в будущем.

При сравнении притязаний и ожиданий подростков (их просили описать свою жизнь через десять лет) прослеживается та же тенденция (табл. 1). Девятиклассники из первой группы (бедные семьи с низким образовательным статусом матери) не только имеют самый низкий уровень притязаний, но и в наименьшей степени уверены в том, что их притязания осуществляются. Представители четвертой группы (состоятельные семьи, матери имеют высшее образование), наоборот, имея самый высокий уровень притязаний, в наибольшей степени рассчитывают на то, что их желания станут реальностью.

Опора на семейные ресурсы

Даже явно завышенные притязания и жизненные планы подростки строят, основываясь на вполне реалистических представлениях о том, какую помощь им может оказать семья. Так, чем больше в статусной группе подростков, полагающих, что

Таблица 2

Ожидание помощи от родителей и оценка своих возможностей по сравнению со сверстниками у подростков из семей с разным социальным статусом (в % к опрошенным по группе)

Оценка ресурсов	Статусные группы			
	1-я группа	2-я группа	3-я группа	4-я группа
Родители могут				
- оплатить учебу	38,8	37,0	55,8	57,1
- помочь устроиться на работу	44,4	46,7	48,1	51,3
- познакомить с нужными людьми	50,0	41,3	56,0	48,8
- помочь начать свое дело	27,4	41,3	56,0	48,8
- помочь поступить в институт	29,3	45,9	31,4	44,2
Респондент считает, что имеет больше шансов, чем другие				
- поступить в институт	42,4	50,7	41,1	70,0
- иметь много денег	45,1	40,8	56,4	65,5

Таблица 3

Готовность к ответственности за свою жизнь у подростков из семей с разным социальным статусом (в%к опрошенным по группе)

Согласен ли с тем, что "человек – сам хозяин своей судьбы"	Статусные группы			
	1-я группа	2-я группа	3-я группа	4-я группа
Нет, не согласен	13,3	14,4	3,6	6,1
Да, согласен	122	77,7	78,6	84,1
Затрудняюсь ответить	14,5	7,9	17,8	9,8

родители могут помочь им начать "свое дело" (третья и четвертая группы), тем больше среди них тех, кто хотел бы быть предпринимателем и тех, кто рассчитывает стать "хозяином" уже в недалеком будущем. Сходным образом обстоят дела и с планами на получение высшего образования во второй и четвертой группах: чем больше в группе тех, кто рассчитывает на помощь семьи при поступлении в институт, тем выше в ней доля считающих, что они непременно получают диплом (см. табл. 2). Данные той же таблицы подтверждают известное выражение "деньги - к деньгам" (а "образование - к образованию"). Дети образованных матерей считают, что они имеют более благоприятные возможности для получения образования, а дети из обеспеченных семей полагают, что у них больше шансов разбогатеть.

Для того, чтобы определить готовность подростков взять на себя ответственность за свою жизнь, им был задан вопрос: "Согласны ли Вы с утверждением "Человек сам хозяин своей судьбы"? (табл. 3). Образование матери связано с определенностью мнения на этот счет (у тех, чьи матери имеют высшее образование, меньше доля ответивших "Не знаю"), а материальное положение семьи - с уверенностью в своей ответственности за собственную судьбу (среди малообеспеченных подростков значительно больше тех, кто с данным выражением не согласен).

Таким образом, чем выше социальный статус семьи, тем выше подростки оценивают свои жизненные шансы по сравнению со сверстниками, рассчитывая при этом на помощь родителей, и тем больше среди них тех, кто выражает готовность взять на себя ответственность за свою жизнь. То есть, чем выше тот жизненный старт, который могут обеспечить родители, тем больше молодые люди уверены в том, что жизнь человека целиком находится в его руках.

Можно предположить, что социально успешные родители формируют у своих детей установку на высокую ценность индивидуальных достижений. Следовательно, достигательная модель, в основе которой лежит идея о том, что человек должен "делать себя сам", распространяется и закрепляется главным образом в наиболее успешных социальных стратах. Среди малообеспеченных слоев населения, для которых эта идея была бы особенно актуальной, возможность достижения успеха связывается, в первую очередь, с наличием нужных связей и денег. Это, в свою очередь, ведет к представлениям о том, что бедность принципиально непреодолима, а, значит, дети обречены на то, чтобы унаследовать бедность своих родителей. Таким образом, реальное материальное неравенство закрепляется среди малообеспеченных людей и на уровне сознания. Это, по сути дела, и есть начало формирования специфической субкультуры бедности.

Конкуренция семейных ресурсов

В основе различий в уровне притязаний и ожиданий, способности адаптироваться к школе и готовности взять на себя ответственность за свою жизнь лежит неравномерное распределение двух ресурсов: образования матери и материальной обеспеченности семьи. Из рассматриваемых четырех групп две - первая (в которой эти ресурсы отсутствуют) и четвертая (подростки из которой имеют возможность опираться на оба вида семейных социальных ресурсов) занимают, как мы уже видели, крайние позиции по всем показателям.

Между детьми из второй и третьей группы разворачивается то, что можно назвать "конкуренцией семейных ресурсов". Каждая из этих групп обладает только одним их видом: вторая - образованием родителей, а третья - родительскими деньгами.

Как работает механизм такой конкуренции, хорошо показывает сравнение успешности адаптации к школе. Исследование выявило ряд особенностей этого процесса. Так, в период "позднего социализма" адаптацию к школе облегчало детям высшее образование родителей. Сейчас дети матерей с высшим образованием по-прежнему чувствуют себя в школе более комфортно (табл. 4). Но при этом материальное положение семьи также оказывает влияние на успешность школьной социализации. Подростки из состоятельных семей лучше адаптируются к школе, чем бедные подростки с тем же уровнем материнского образования. В результате снова наиболее успешными оказываются девятиклассники из четвертой группы, а наименее адаптированными - из первой.

Хотя девятиклассники из третьей группы реже оценивают свою успеваемость как "хорошую" и "отличную", в целом они не чувствуют себя в школе неуверенней, чем подростки, вошедшие во вторую группу. Доля тех, кто ощущает себя в школьной обстановке вполне комфортно и тех, кто полагает, что учеба не вызывает у них трудностей, в третьей группе практически такая же, как во второй. По-видимому, сейчас при адаптации к школе высокий уровень образования матери и деньги до некоторой степени "уравновешивают" друг друга.

В то же время подростки из третьей группы ниже, чем школьники из второй группы, оценивают свои шансы на поступление в институт. Таким образом, в том, что касается доступа к высшему образованию, с точки зрения молодых людей большую конкурентоспособность пока еще имеет высокий образовательный статус родителей. Но одновременно представители третьей группы выше оценивают свои шансы на высокий уровень доходов в будущем (и имеют соответствующие притязания и ожидания). В том, что касается вероятности стать человеком состоятельным, высокий материальный статус семьи "побеждает". Характерно, что школьникам из этих двух групп образование и деньги представляются "оторванными" друг от друга - образование не ведет к деньгам, а деньги не связаны с образованием и профессией.

"Обособление" образования и денег хорошо прослеживается и при сопоставлении двух групп бедных подростков (первой и второй). Более высокий уровень притязаний

Таблица 4

Адаптация к школе в зависимости от социального статуса семьи (в % к опрошенным по группе)

Отношение к школе и успеваемость	Статусные группы			
	1-я группа	2-я группа	3-я группа	4-я группа
Нравится в школе	22,6	29,9	26,8	33,7
Нет трудностей в учебе	17,4	32,5	30,4	37,3
Учится на "хорошо" и "отлично"	34,4	54,5	40,0	59,0

и направленности на достижение успеха опирается у представителей второй группы только на то, что их родители имеют большие возможности помочь им при поступлении в вуз. Интервью, взятые у матерей школьников в семьях, живущих "за чертой бедности", показали, что, действительно, матери с высшим образованием готовы активно привлекать все имеющиеся у них возможности (собственные знания, знания родственников и друзей, родственные, дружеские и профессиональные связи) для того, чтобы их дети получили высшее образование. Что же касается матерей с низким образовательным статусом, то они связывают возможность поступления своих детей в институт только с большими деньгами. Поэтому недостаток материальных средств для них означает почти полное отсутствие для их детей шансов на получение высшего образования. В то же время, среди подростков из первой группы несколько больше тех, кто претендует и уверенно рассчитывает на высокий уровень доходов в будущем. Другими словами, для представителей первой группы отсутствие денег закрывает доступ к образованию, но отсутствие образования вовсе не обязательно ведет к недоступности денег.

Дети из четвертой группы оценивают свои шансы на поступление в институт выше, чем представители второй группы, а шансы на то, чтобы стать богатыми - выше, чем подростки из третьей группы. Таким образом, при возможности располагать одновременно обоими видами семейных ресурсов, эти последние взаимно усиливают друг друга - опора на родительские деньги увеличивает шансы на получение образования (по сравнению со сверстниками, которые могут опираться только на образование родителей), а опора на родительское образование усиливает возможности для получения денег (по сравнению с теми, кто может рассчитывать только на материальную поддержку семьи). В этом случае образование и деньги тесно связаны между собой. Это позволяет предположить, что подростки из второй и четвертой групп (одинаково сильно ориентированные на окончание вуза) исходят в своих жизненных планах из разных представлений о сути доступного им высшего образования.

Образование и жизненные шансы

Для детей из второй группы получение высшего образования и профессии, пользующейся спросом на рынке труда, - это единственный шанс преодолеть семейную бедность. Они представляют успешный вариант своей взрослой жизни следующим образом: высшее образование → престижная, пользующаяся спросом на рынке труда профессия (адвокат, программист, экономист и т.д. - ее рассчитывают получить 43% ребят этой группы) → работа в частной фирме (23%).

Сами школьники еще не полностью осознали, что семейная бедность ограничивает их шансы на получение не только "рыночной" профессии, но иногда и высшего образования вообще. Это хорошо понимают их родители. Если в бедной семье больше, чем один ребенок, то часто матери исходят из того, что они не в силах дать высшее образование всем своим детям. Но в подавляющем большинстве случаев родители с высшим образованием все-таки не могут отказаться от идеи во что бы то ни стало

дать образование и детям. Однако при этом доступ в престижные, дающие "рыночные" профессии институты, по мнению проинтервьюированных матерей, крайне затрудняет отсутствие денег: *"У нас старший мечтал на юридическое отделение поступить, но это бесполезная трата времени. Денег нет. А туда нужны деньги на репетитора и не только на репетитора. Подготовить мы его, конечно, могли. Я - иностранный язык, сестра - литератор, за плечами такой багаж. Но туда поступить, будь он даже семи пядей во лбу, а не имеет денег, невозможно"* (Иваново). (Здесь и далее курсивом выделены отрывки из интервью с родителями).

Родители подростков из второй группы практически всегда имеют профессии "нерыночные", в соответствующей области лежат и их социальные связи. Поэтому дети иногда отказываются от использования социального капитала семьи, выбирая те институты, с поступлением в которые родители помочь им не могут (и лишаясь, тем самым, преимущества, которое они имеют перед детьми из первой и третьей групп). *"Безусловно, эти связи есть. Но дело в том, что связи эти в биологическом мире, в биохимическом: на химфакультете, на биофаке... - дочь респондентки собирается поступать в Педагогический институт на факультет иностранных языков, чтобы, окончив его, иметь возможность зарабатывать деньги частными уроками. - Возможностей у нее было бы гораздо больше. Мы ее устроить могли бы, очень много знакомых"* (Москва).

Таким образом, доступ к "рыночным" профессиям для детей из второй группы затруднен отсутствием у родителей денег и социальных связей в нужной области. Со временем подростки из второй группы, возможно, поймут, что, если они не хотят остаться без высшего образования, придется примириться с тем, что для них останутся профессии, по выражению одной из проинтервьюированных матерей, "попроще - учителя, врача". Это, в большинстве случаев, связано с наследованием родительской профессии и, соответственно, родительской экономической дезадаптации. Характерной в этом смысле была одна из анкет: отец и мать заполнившего ее мальчика, ученые-биологи, испытывают сильные материальные затруднения. Сам мальчик ожидает, что к 24 годам он, как и его родители, окончит биологический факультет МГУ и останется в университете заниматься научной работой, получая за это мизерную плату.

Более того, высшее образование не обеспечивает детям из бедных семей не только работы с высокой зарплатой, но и вообще какой-либо работы по специальности. Проинтервьюированные родители, у которых старшие дети уже поступили в институт или закончили вузы "попроще", столкнулись с тем, что их детям трудно найти работу по полученной специальности: *"Сын поступил благодаря нашему репетиторству в Химическую академию. Он недоволен своим выбором. Поначалу был более доволен, сейчас нет. Потому что знает, что перспективы трудоустройства у него никакой нет. У нас была надежда, что на силикатный завод его бы устроили, потому что все-таки там знакомые есть. Теперь надежды никакой нет: завод наполовину закрыли, работает с перебоями. Я, когда он поступал, говорила: "Устроишься: силикатный, кирпичный, керамический за пределами города. Устроишься, выбери отделение". А теперь крылья опустил: "Без работы я, видно, останусь, буду работать грузчиком, но с дипломом"* (Иваново). *"Сын закончил факультет - автоматизация систем управления. После академии не мог найти себе работу. Он пробовал устроиться в одну фирму, в другую, но Текстильная академия есть Текстильная академия, сейчас все текстильные предприятия закрываются, и специалисты сейчас уже, наверное, не требуются нигде"* (Москва).

Таким образом, для подростков из второй статусной группы высшее образование в большинстве случаев не имеет инструментального значения, поскольку не влечет за собой экономической интеграции в общество. К аналогичному выводу пришли Е. Мезенцева и Н. Космарская, исследовавшие отношение к образованию молодежи

г. Рыбинска: они отмечают резкое снижение роли образования как гаранта высокого социального статуса. В условиях высокой напряженности на рынке труда образование перестало быть значимым козырем в трудоустройстве. "Экономический статус "оторвался" от образовательного... тяга к образованию как к конечной ценности осталась, но образование как инструментальная ценность все больше теряет в цене" [8].

Подростки из четвертой группы, описывая успешный вариант своей взрослой жизни, реже, чем школьники из первой группы связывают свое будущее с конкретной "рыночной" профессией (37%) и работой в фирме (18,5%), но чаще упоминают "свое дело" (37% против 23% у школьников второй группы) и руководящую должность (13% против 4,5% соответственно). Для них высшее образование - не столько способ получить определенную профессию, сколько еще один знак успеха и социального престижа - такой же, как "собственное дело", удачная карьера и высокие доходы. Но именно они, опираясь на деньги и связи родителей, будут поступать в престижные институты (а впоследствии получать высокооплачиваемые рабочие места).

Насколько одно высшее образование может быть "не равно" другому, хорошо видно при сопоставлении ответов студентов Технического университета им. Баумана (бесплатный государственный вуз) со студентами Юридического колледжа (обучение либо платное, либо по направлению от правительства Москвы). (Данные получены в результате исследования, проведенного в 1997 г. под руководством кандидата философских наук М.Е. Поздняковой, N = 200 чел.) Студенты этих двух учебных заведений представляют собой две группы: дети более обеспеченных родителей, обучающиеся профессии, потенциально имеющей большой спрос на современном рынке труда, и дети родителей гораздо менее удачливых, будущая профессия которых в современных российских условиях значительно менее перспективна. При этом образовательный статус обоих родителей у студентов этих двух учебных заведений практически одинаков - большинство из них имеет высшее образование. Молодые люди по-разному оценивают свои перспективы - среди "юристов" больше тех, кто полагает, что они будут жить лучше своих родителей, а среди "инженеров" - тех, кто считает, что они будут жить так же, как и их родители.

Этот яркий пример дифференциации высшего образования объясняет тот факт, что одновременно с уже упомянутой тенденцией к утрате высшим образованием инструментальной ценности существует и противоположная тенденция - к формированию и закреплению новой модели профессионального успеха. Она включает в себя на равных хорошее образование и деньги, и для нее характерно выраженное прагматичное отношение к образованию [9]. На эту модель ориентируются школьники как из второй, так и из четвертой статусных групп, но только для последних она представляется реально осуществимой.

В то время, как подростки из второй группы надеются на то, что образование усилит их социальные позиции, матери часто делают основной акцент на идею самореализации в рамках не доходной, но "интересной" профессии; *"Это, наверное, моя самая главная ошибка. Мы делаем акцент не на то, чтобы это была материально нормальная жизнь, а чтобы это была интересная работа, чтобы она могла увлечь и развить дальше человека"* (Москва).

Очень сильная направленность подростков из второй группы на получение высшего образования "перекрывает" для них альтернативный путь, на который часто ориентируются представители первой группы. Последние, отказавшись от идеи успеха, чаще делают ставку на то, чтобы выбрать не слишком престижную, но "надежную" профессию, связанную с обслуживанием (автослесарь, продавец и т.д. - 11% против 4% во второй группе). Конечно, одна десятая часть опрошенных в группе - это немного, но интервью, которые давали не имеющие высшего образования матери, показывают, что они стремятся ориентировать детей именно на такого рода профессию. Из интервью видно, что именно в этой области лежат и социальные связи родителей, на которые те рассчитывают опереться при устройстве ребенка в соответствующее учебное заведение (техникум или ПТУ) и на работу. Родители

подростков из второй группы таких связей, как правило, не имеют, поэтому этот путь для их детей затруднен не только субъективными, но и объективными факторами.

Если высшее образование для бедных детей, в отличие от подростков из состоятельных семей, слабо связано с экономической адаптацией и с достижением социального успеха, то это значит, что оно имеет для них другое значение. Вопрос может быть сформулирован следующим образом: "Зачем высшее образование бедным?"

Зачем высшее образование бедным?

Во-первых, сильная направленность на образование у детей из обедневших интеллигентных семей связана с тем, что требование учиться им выдвигают родители, которые, будучи экономически и социально дезадаптированными, просто не знают, какие еще цели они могут перед детьми поставить. Характерный пример этому дает одно из интервью, взятых в Иваново. Мать (ее зовут Галина) происходит из семьи малограмотных и низко квалифицированных мигрантов из деревни. Она и ее сестра хорошо учились в школе и, окончив университет города Иваново, стали учителями. По сравнению со своими родителями они поднялись на несколько ступенек социальной лестницы, и это, несомненно, был успех, в основе которого лежала идея образования. Сейчас семья респондентки очень бедна, и женщина не видит никаких перспектив для своих двух сыновей. Старший учится в институте, не имея шансов найти после его окончания работу по специальности, а младшего, который хорошо учится в школе, мать не надеется "довести" до института. Она часто повторяет, что "образованные люди сейчас никому не нужны" и поэтому обречены на бедность. При этом на вопрос, что она ждет от своих детей, респондентка отвечает: *"Хотелось бы, чтобы они еще лучше учились"*. В контексте всего интервью этот ответ выглядит иррационально. Но на самом деле, она просто не знает никаких других механизмов социальных достижений. Она не может дать сыновьям импульс к повышению благосостояния и научить их тому, как этого можно добиться. Ориентация на учебу - единственная достижительная ценность, которую она может передать своим сыновьям.

Во-вторых, образование, несмотря ни на что, все-таки увеличивает жизненные шансы. Так, например, для выпускников технических вузов, чья будущая профессия "неперспективна" в современной России, существует некоторая вероятность эмиграции в страны, где есть спрос на специалистов их профиля.

В-третьих, на время учебы откладывается решение проблем, связанных с необходимостью экономической интеграции: *"Перспективы! Дай бог, чтоб попало (в институт)... А там как жизнь сложится. Эти пять лет все-таки она будет учиться"* (Москва). Такая политика "выжидания" в семье этой респондентки один раз себя уже оправдала. Ее старший сын, закончив вуз, не мог найти работу по специальности. Муж уволился из научно-исследовательского института, где получал очень мало и нерегулярно, и организовал "свое дело", "сколотив" небольшую бригаду, занимающуюся ремонтом квартир и строительством садовых домиков. За время обучения сына в институте "дело" отца окрепло - к моменту взятия интервью семья находилась на стадии первоначального преодоления бедности - и в конце концов сын пошел работать менеджером в отцовскую "фирму". Таким образом, пока сын учился в "бесполезном" институте, его отец успел не только заработать деньги на мягкую мебель (многолетняя мечта его жены), но и создать рабочее место для сына. Это выразительный пример того, как с преодолением бедности родителями повышаются жизненные шансы детей.

Но, пожалуй, самое главное для детей из бедных семей - то, что образование действительно интегрирует их в общество, предотвращая от выпадения в маргинальные слои. Вернемся к истории Галины. Ее старший сын-студент вынужден работать, чтобы помогать семье. Единственная работа, которую он смог найти - работа грузчиком 2-3 дня в месяц (в Иваново очень высок уровень безработицы). Таким образом, сейчас он учится в институте, стараясь получать повышенную

стипендию - эти деньги тоже очень важны для семьи - и несколько дней в месяц работает. Если бы он не учился в вузе (после которого не надеется найти работу по специальности), он сразу после окончания школы стал бы грузчиком, занятым не больше трех дней в месяц. Несомненно, что сейчас его социальные позиции, несмотря на острую нехватку денег, гораздо более благополучны.

То, что ориентация на высшее образование способствует социальной адаптации подростков, отражают и данные опроса: среди девятиклассников второй группы хотя и меньше тех, кто рассчитывает в будущем разбогатеть, чем в первой группе, но меньше и тех, кто ожидает, что неминуемо останется бедным. Видно это и из интервью. В семьях, в которых матери имеют высшее образование, не было ни одного случая, чтобы дети уже сейчас, будучи 14-15-летними школьниками, проявляли выраженную склонность к девиациям. Среди бедных детей малообразованных матерей в проинтервьюированных семьях были и попытка суицида, и случай, когда мальчик воровал в школе вещи одноклассников. Нередки случаи, когда родители не имеют никаких планов относительно будущего ребенка, и при этом сам подросток активно выражает нежелание ни учиться, ни работать.

Можно сказать, что образование для малообеспеченных детей важнее, чем для их обеспеченных сверстников, поскольку является практически единственным доступным способом интеграции в общество.

Выводы

Итак, материальное положение семьи становится одним из важных факторов социализации подростков. От уровня материальной обеспеченности семьи зависят жизненные притязания на новые для нашего общества знаки успеха и социального престижа: "свое дело" и высокие доходы. Данный фактор влияет на уверенность в своих силах и в возможностях семьи обеспечить первоначальный старт, а также на способность успешно адаптироваться к школе. Образование матери оказывает влияние в первую очередь на притязания и жизненные планы в отношении получения высшего образования, которое продолжает играть очень значительную роль в качестве составляющей успеха, и на адаптацию ребенка к школе.

Бедность семьи сужает число жизненных шансов для детей, и вероятность "наследования" детьми бедности родителей очень высока. Это относится даже к той прослойке "новых бедных", которые имеют некоторые социальные и культурные ресурсы. Для детей из малообеспеченных семей, в отличие от выходцев из более состоятельной среды, образование оказывается оторванным от денег, оно не влечет за собой экономической интеграции в общество. Можно даже говорить о том, что прослеживается тенденция к "наследственной" консервации бедности среди специалистов с высшим образованием.

В большинстве случаев выходцы из бедных семей обречены на поражение в конкуренции с детьми обеспеченных родителей. От выпадения очень значительных масс людей в устойчиво и безвыходно бедные слои с собственной субкультурой бедности современное российское общество отделяет очень тонкая черта. По сути дела - это только вопрос времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Титма М., Кенкман П.* Семья как агент социализации в социалистическом обществе. М., 1972.
2. *Титма М., Саар Э.* Молодое поколение. М., 1986.
3. *Гурко Т.А.* Особенности развития личности подростков в различных типах семей // Социол. исслед. 1996.
4. *Ясная Л.В., Магун В.С.* Родительская семья и ее влияние на жизненные притязания и жизненные стратегии юношей и девушек // Революционные притязания и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985-1995 годы / Под ред. Магуна В.С. М., 1998.
5. *Магун В.С.* Революционные притязания и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985-1995 годы //

- Революционные притязания и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985-1995 годы / Под ред. Магуна В.С. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
6. *Климова С.Г.* Динамика и факторы алкоголизации молодежи // За здоровый образ жизни (Борьба с социальными болезнями). Ежегодник / Под ред. Левина Б.М. М., 1993.
 7. *Савин А.* Средние русские - кто они? // Известия. 1998. 17 января.
 8. *Мезенцева Е., Космарская Е.* Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. 1998. № 3. С. 174-175.
 9. *Здравомыслова О., Шурыгина И.* От 80-х к 90-м: трансформация моделей успеха // Народонаселение. 1998. № 1.